

РД 103420.7к

ДЗЗ

НИКОЛАЙ

ДЕНИСОВ

Праздник осени

П-90

пох

P2
833

НИКОЛАЙ

ДЕНИСОВ

Френсез
Праздник осени

СТИХИ

1034217

Тюменская
областная научная
БИБЛИОТЕКА

Свердловск
Средне-Уральское книжное издательство 1974

Д 33
Р2

Каталог областного архива
ИИВ. № ~~300210~~

«Праздник осени» — сборник стихов молодого тюменского поэта Николая Денисова.

Родился и вырос Николай Денисов на тюменской земле. После окончания школы — работа в совхозе, рыбаком, служба в морской пехоте, затем снова работа матросом пассажирского теплохода, учеба в Литературном институте им. Горького (окончил в 1971 году), работа в тюменских газетах.

Н. Денисов публиковал свои стихи в журналах «Москва», «Урал», «Советский воин», в газете «Тюменские известия». В журнале «Урал» выходила от-

~~300210~~

Торопи меня, торопи,
Моя молодость, не проспи —
Эти реки мои и пашни,
Звезды, мельницы и поля,
И родные до ветки каждой
Окуневские тополя.
Летом — зайцу, зимою — лосю,
В марте — первой капли рад,
Но люблю я особенно осень
За веселый ее наряд.
В чистом поле я слышу весны,
В чистом поле я не один.
Цвет любви сентябрем расплескан
По околкам моих осин.
Торопи меня, торопи,
Моя молодость, не проспи —
Эти реки мои и пашни,
Звезды, мельницы, тополя,
Где, глаза распахнув однажды,
Удивилась душа моя.

Алый парус

А. Рыбину

Помнишь, Толька,
В семнадцать лет,
Если нежности сердце
Просило,
Целовали в тайге рассвет
И зарю на руках носили,
Поднимаясь в звериный час.
Где теперь вы,
Скитаний други?
Уводили на вахту нас
Бригадиры в объятья вьюги.
Шли за ними в метельный
вой,
В снеговую кидались
Ярость.
Слышишь, чувствуешь, —
За спиной
Он натянут,
Наш алый парус.

Прощальные дни

Я любил вас, прощальные дни,
Голубая озерная пристань.
Сколько раз от суровой родни
Увозил свои грустные мысли.

Плыли лодки мои не спеша,
Были мне облака парусами.
Только ты, золотая душа,
Не ждала за полями-лесами.

Говорила слова о судьбе,
Видно, правда — другого
любила,
Сколько пасмурных слов о себе
В эти светлые дни находила...

А за озером стыли огни,
Уходило последнее лето.
Я любил вас, прощальные дни,
И счастливо я помню об этом.

Вот и уносит печали
Реченька тихой волной.
Сколько там было медалей
Брошено в воду луной...

Выйду на голос гармошки,
Где он — в закатном дыму?
Кажется, эта дорожка
К детству ведет моему?

Песни моей колыбели
Не позабыла заря.
Сам я в веселье апреля
Слышу приход сентября.

Где там за сжатой пшеницей
Озимь щетинит штыки?
Может быть, все повторится:
Поле, извивы реки...

Вижу над желтой половиной
Редкую сетку дождя.
Каждому доброму слову
Радуюсь, будто дитя.

Полночная песня

Засветилась деревня полночная,
Отражаются в речке огни —
Будто лилий букеты молочные
Над водою в тиши расцвели.

Смолкли песни девчонок далекие,
Отзвенели до новой зари,
Только в поле горят одинокие
Фонари, фонари, фонари...

Чья нехитрая песня машинная
Зазывает под нож колоски?
Ты ответь-ка мне, поле целинное,
Золотистой пшеницы валки!

Это осени время невеститься,
Это парень нашелся лихой,
Чтобы старцу — ущербному месяцу —
Не досталось невесты такой.

Вот и водит он ноченьку длинную
Свой комбайн среди колосков,
Вот и дарит под песню машинную
Золотистые строки валков.

Праздник осени

Умаялись, стихли моторы
Уборочных рыжих машин.
И только листвы разговоры
Слышны еще в колке осин.

Кружится, кружится, кружится
И падает лист на пальто.
Но лету уже не ужиться
Вдвоем с сентябрем ни за что...

Пора бы привыкнуть, наверно,
К простым повторениям лет.
К лошадке, к молочной цистерне,
Спешащим за стадом вослед.

Но кто же расскажет сороке,
Которая мокнет одна,
О том, что в известные сроки
Сюда возвратится весна?

Волнует по-прежнему иней,
Октябрьский робкий снежок.
И возле румяной осины
Накошенный кем-то стожок.

А нынче над рощею поздней,
Где лето и осень сошлись,
Похоже, темнеют не гнезда,
А шапки, что бросили ввысь.

Н. Рубцову

Посветило солнце и ушло,
Отмерцали звезды не спеша,
У поэта тоньше ремесло —
До конца горит его душа.

Вот опять без звезд и без огней
Стало грустно чуточку в дому.
На земле таинственной моей
Происходит что-то, не пойму.

Поредела шумная родня,
Догнила скамейка у ворот.
Убегают годы от меня
Продолжать земли круговорот.

•••••

Соберу я охотничью справу.
И со старым отцовским ружьем
На осеннюю выйду забаву,
С городским попрощавшись
жильем.

Поле чистым откликнется эхом
На раскатистый выстрел в тиши.
Безобидные эти потехи —
До чего же они хороши!

Мне не надо трофеев богатых,
Браконьерской добычи лихой.
Знаю, встретит рыбацкая хата
Запашистой карасей ухой.

А наутро, как только разбудят,
Буду слушать я — в синей дали
Что же все-таки судят о людях,
Покидая наш край, журавли.

Русская печь

Розовел полумрак,
Огоньками разбужен,
Просыпалась поземка
В глуши камыша.
Санний путь сторожила
Январская стужа,
Но от лая собак
Согревалась душа.
Вот прошли, словно мысли,
Столбы поворота.
Я замерз — и супонь
Развязать не смогу.
Но на конном дворе
Кто-то вышел к воротам
И шубенки коснулся:
«Ступай, распрягу!»
Я не помню: дошел
Иль добрел до порога,
Как на печь мне отец
Подставлял табурет.
Но в мальчишьих глазах
Все стояла дорога,
Расплескав неземной
Фосфорический свет...

Может, завтра под длинную
Песню полозьев
Вновь умчат меня

розвальни

Вдаль — по селу.
Но по-прежнему верю я
После мороза
Русской печке,
Привету ее и теплу,
Где не раз под тулупом
Тяжелым, как туча,
Благодарный своей
Человечьей судьбе,
Забываясь от всех
Неурядиц гнетущих,
Засыпал я счастливым
Под песни в трубе...

1034217

Тюменская
областная научная
БИБЛИОТЕКА

В детстве

На окошках белье, узоры
Слишком густо выткали морозы.
В куржаке высокие заборы,
И скрипят по улице обозы.

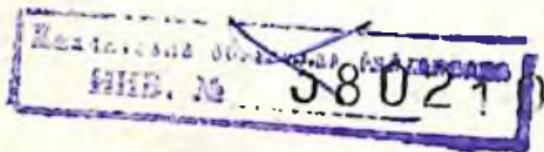
Санний путь не дремлет, не пустеет,
Лошадиным храпом оглушенный.
Сеновал за домом зеленеет,
На сугробы смотрит удивленно.

Пацаненок в клетчатой рубашке
Дышит на узоры ледяные:
Хорошо бы с горки на салазках!
Хорошо, да валенки худые.

Санний путь не дремлет, не пустеет,
Мягко на возах, как на подушках.
А под вечер хата обогреет,
Приотит, как добрая старушка.

И огонь в печи запылывает,
Пусть зима лютует за дверями!
И закат, на небе отцветая,
Сказочно зардеет снегирями.

17

Сибирская баня

Баня,

баня,

баня!

Истопилась баня!

С сумками и свертками улица идет.

Трактористов пыльных шумная компания

И мальчишки-школьники — разбитной народ.

— Проходите, милые, хватит нынче пару вам,

Не забудьте веники свежего листа!

— Что же ты раздобрилась нынче так,

Макаровна,

При твоём характере это неспроста...

Банщица, довольная, у титана греется,

Техника нехитрая, но глаза нужны.

Хорошо до дождика вовремя отсеяться,

Захмелеть от радости солнечной весны!

Баня,

баня,

баня!

Истопилась баня!

Щелочком помоешься, волосы как шелк.

— Эй, потри мочалочкой спину, дядя Ваня,

У тебя выходит это хорошо!

Мягкая мочалка, бархатное мыло.

Ледяной водички ковшик — и готов!
Нам еще пожарче на работе было,
Помним, как сходило добрых сто потов.
Баня,

баня,

баня!

Истопилась баня!

Поздние прохожие смотрят не дыша,

Как идет веселая, праздная заранее,

Добрая, широкая русская душа.

Я с работы спешу сияющий.
И, веселый запал храня,
Возле речки закат пылающий
Отмывает усталость дня.

Вот махнул огневою кепкою —
Росы высыпал на лугу,
Чтоб девчата ногами крепкими
Мяли травушку на кругу.

Чтоб у наших дворов бревенчатых
До утра звездный свет сиял,
Чтоб и сам я, с луной повенчанный,
Нецелованным не гулял.

Осенние думы

Когда перепалку закончат моторы
На рыжих на солнечных хлебных увалах,
Опять мои думы уносятся в город —
К неоновым звездам высоких кварталов.

Пусть ночь эта в душу глядит, как
чужая,
Но возле пустынного парка на страже,
На мокром асфальте луну отражая,
Всегда мне напомнит о сельском
пейзаже.

Я грустно на жердь запираю ворота,
Промасленный ватник в кабину забросив,
Гляжу, как, печально поднявшись
с болота,
Крыло неокрепшее пробует осень.

И мне хорошо бы умчаться к любимой
В тот город, но дождь барабанит: куда
ты?

Шоферы устало сидят по кабинам
И мрачно толкуют про лысые скаты...

Вижу, первым лучом обогрето,
Словно чей-то вдали силуэт,
Все стоит посредине рассвета
Мое детство двенадцати лет.
Все хохочет, ударив в ладоши,
Словно тайно опять и опять
Убежал я по первой пороше
Отзвеневшее эхо искать.
И стоит, как звезда у околка,
Все, что выпало в детстве любить.
И не может никак перепелка
Эту память мою усыпить.

В сиянье заснеженных крыш
Великая дремлет природа.
Быть может, пронзительней тишь
Была только в детские годы.

Но сколько таится чудес
В лыжне, убегающей с хрустом!
И вечер, и пашня, и лес
Созвучны движениям чувства.

И то, что мы снова с теплом,
Спасибо печурке угрюмой,
Где можно хоть поздним числом
О собственной жизни подумать.

Над Абатском

Над Абатском, над Абатском
Не погашены огни.
Мне никак нельзя расстаться
С деревенскими людьми.
Мимо пристани проехать,
Где течет Ишим-река.
Здесь стоял когда-то Чехов,
Поджидая ямщика.
Мимо клуба, где танцуют
Моряки-отпускники...
Дайте, парни, покажу я,
Сколько стоят каблуки!
Вот по кругу я лечу,
Девкам головы кручу:
«Полюбите меня, девки,
Целоваться научу!»
Эх, не выдержит подкова
На веселом каблуке!
Вышла Оля Иванова,
Синь-косыночка в руке.
Выходила, наступала
И манила жаром плеч!
И куда моя пропала
Вся изысканная речь?

Пусть ведет она со мною
Непонятную игру,
Я под желтою луною
Руку белую беру.
Мы уходим в чисто поле,
Далеко слышны шаги.
Только мне не хочет Оля
Насовсем отдать руки...

Над Абатском, над Абатском
Бродят звезды января.
Мне заря велит прощаться,
Над гостиницей горя.
Вот и месяц над Советом
В золотой трубит рожок.
Никого со мною нету,
Только зря скрипит снежок.
День подкатывает ловко
К полутемному крыльцу.
Вот и срок командировки
Приближается к концу.

Вечереет

Дом крестьянский с ладной
русской печкой,
С крепким квасом в темном
погребке.
Вот отец, он входит на крылечко
С инструментом плотницким
в руке.
— Как делишки? — спросит.
— Все в порядке?
Видно, будет дождичек. Пора!..
Спит пила, завернутая в тряпку,
И сияют щеки топора.
Вот и мать, она вернулась с луга,
В складках платья свежий запах
трав.
Пот смахнула, ставит косу в угол,
Под косынку волосы прибрал.
Вены рук натружены упруго,
Луч закатный плечи золотит.
В тишине на целую округу
Умывальник весело звенит.

Ну зачем ты посмела
Постучать в мою дверь?
Что со мною на белом
Будет свете теперь?
Ни худого, ни злого
Я ж не делал вовек.
Был я, честное слово,
Неплохой человек.
А теперь среди ночи
За тобою лечу.
Жил я правильно очень,
А теперь не хочу.
Эх, троллейбус звенящий,
Ты меня обгони,
Я сегодня пропащий
Для жены, для родни.
Но любовь поневоле
Никому не слышна,
Хоть бы грянула, что ли,
Проливная весна,
Чтоб счастливую ношу
Донести поскорей
До потухших окошек,
До закрытых дверей.

В год призыва

Осень дождиком била звонко,
Землю вымыв, как на парад.
Мы укладывали котомки
И шагали в военкомат.
А потом в эшелонах тряских
Нас в неведомый край везли.
Мы несли на плечах солдатских,
Как погоны, покой земли.
Те вагоны обыкновенные
Были первой казармой нам.
Мы махали — уже военные —
Полустанкам и городам.
Торопливо писали строчки —
Первый воинский свой привет.
Повязавшись простым платочком,
Нам Россия глядела вслед.
И любимых родные руки
Все белели еще в окне...
Это вспомним потом, в разлуке,
И увидим не раз во сне.

Матросские роботы

Дудки боцманские отпели,
Отзвучали колокола.
На разостланные постели
Полночь северная легла.
Только знают одни пароли,
Как сдержат тишину в руках.
Хоть бы море проснулось, что ли,
Раскачалось бы в берегах!
Но спокойна вода. Дыханье
Затаила на дне, а зря.
Хоть бы звезды из мирозданья
В бухте бросили якоря!
Крейсер, будто огромный робот,
Засветился из темноты,
Да уснули на банках роботы
По-домашнему, как коты.
Неприветлив и насторожен
Луч прожектора ножевой.
По бурунам, как бездорожьем,
Ходит катер сторожевой.
Только вахтенный выйдет, чтобы
Часовых на постах сменять.
Отдыхайте на банках, роботы,
По тревоге и вам вставать.

На посту

Сегодня по вахте не будет аврала,
Сегодня парадный наводится лоск.
Морской атташе иностранной державы
К главкому идет на прием через пост.

Идет по Главштабу он чинной походкой,
Но в светских манерах — военная статья.
А к нашим границам подводные лодки
Его государство подводит опять.

Есть в мире законы...
Я толк понимаю,
Зачем мы встречаем врагов, не браня,
Стою на посту, пропуска проверяю —
Устав караульный сильнее меня.

А где-то друзья, прикипев к аппаратам,
Несут корабельную вахту свою.
Я только на миг становлюсь дипломатом,
Проход открываю и честь отдаю.

Проводы

Целый день строевым протопали,
Ноги ах как гудят, гудят!
Спят казармы, луной затоплены,
Парусами знамен шуршат.
Чуть забудешься, все забудется:
Плац, казарма, луна над ней.
Снится улица, снится кузница,
Где подковывал я коней.
По деревне дорога торная,
По деревне четыре дня —
Разухабистая подгорная —
Разгулялась моя родня.
Ходят бабы неслышно по воду,
Чуткий ветер засел во ржи.
Праздник, что ли?
Да это проводы —
Провожают меня служить.

•••••

Может быть, стоит сейчас у пирса
Тот корабль — и дом мой, и земля.
Старшина второй статьи Денисов
Демобилизован с корабля...

Брошу все, пойду к знакомой базе,
У начальства отпуск попрошу.
Грустно мне, что я уже в запасе,
Скоро год, как форму не ношу.
Скоро год, как мой племянник

Вовка

В бескозырке ходит. Скоро год...
Скоро год, как в нашей Киселевке
Грусть моя забыться не дает.
В день получки деньги

растранжирю,

Промотаю время, как хочу.
Скоро год за тесную квартиру
Регулярно частнику плачу.
Скоро год, как мне спокойно

спится,

Снятся сны, что снились в той

дали.

Только грусть мою уносят птицы,
Провожая в море корабли.

На границе

Ни берез, ни речки, ни тумана,
Бронзовела степь от тишины.
На вершины белые Хингана
Я смотрел с советской стороны.

Я стоял у краешка державы
И того волненья не скрывал,
Что сержант, ровесник мой,
пожалуй,
Так державно здесь повелевал.

И во мне — дыхание границы,
Я глядел в маньчжурские поля.
А за мной — и это мне не снится —
Начиналась русская земля,

С мятным сеном — свежую охалкой,
И с асфальтом в дальних городах,
С пятикрылой звездочкой на шапке,
И с серпом и с молотом в руках.

Утро в Тобольском порту

Гудят суда и грузно входят в порт,
И дым их труб как будто с небом сросся.
Вот уронил на воду пароход,
Не два весла — огромные колеса.

Он по-медвежьи ухнул нараспев,
И эхо сникло в бездне иртышовой.
И кажется: от крика онемев,
Застыли щуки в плесах камышовых.

Здесь, под стеной сибирского кремля,
Радушные растворены ворота.
Неторопливо дышат дизеля,
И в руки кранов просится работа.

Прожектор солнца бросил луч в реку,
И день из тьмы вычерчивает лица.
Ведь здесь однажды, также по гудку,
И мне пришлось с руками порта слиться...

Но начат день — и жизнь в порту кипит,
Порт, словно грузчик, расправляет плечи.
Здесь на воде, которая не спит,
Живут суда совсем по-человечьи.

В Ялуторовске

Шлифуют лыжницы сугробы,
Летит тропа в прозрачный сад!
А было сумрачно, должно быть,
Здесь полтораста лет назад.

В снегу старинная избушка,
Наличник старенький резной.
«Меланхолический Якушкин»
Сюда стучался на постой.

А там в дали, за белым садом,
Мчал быстрый пушинский возок.
И, зябко вздрагивая рядом,
Жандарм укутался в платок.

И долго, долго в круговерти
Сибирских каторжных ночей
Летел возок через бессмертье,
Сквозь страх и трепет палачей.

Портовый житель

Помню, был я портовым жителем...
Но в деревне моей родной
Горевали мои родители:
Видно, спутался со шпаной!
Я суда разгружал с товарами,
Как заправский уже матрос.
Грохотали лебедки тарою:
Вира! Майна! —
До самых звезд.
Утром, вновь затянувшись
«Севером»,

На веселый шагал причал,
Где над тонким звенящим леером
Пароходный гудок кричал.
Где, качаясь по ватерлинии,
Ухал молот обской волны,
Где тельняшек полоски синие,
Словно вены, напряжены.
Не просил я от жизни лишнего,
Но сквозь грохот и суету,
Так хотел, чтоб меня слышали,
Как призывный гудок в порту.

Давнее

Запомнил я в снегу подталом
Тот клеток ворона во сне
И холодеющее жало
Полночной стужи на спине.
Не позабыть на лицах смуглых
Улыбок тех бородачей
И, догорающих, как угли,
На стылых ветках снегирей...

Искал, снегами занесенный,
Озера, скрытые в тайге.
На ужин брал улов казенный,
Варил в походном котелке.
И слушал ропот глухариный
В дремучем мороке ветвей.
Из той задымленной картины
Вот это помнится сильнее:
Погас огонь, закончив дело.
На нары сон свалил людей.
Идет мороз по крыше белой,
По потным спинам лошадей.

И к нам в охотничью сторожку,
Наверно, радуясь теплу,

Ввалился лунный диск в окошко
И покатился по столу...
Да, я запомнил их надолго,
Дороги тех далеких дней,
И тот ночлег в соломе волглой,
Возле уставших лошадей.

Я помню...

Я помню: светила лампешка,
От стужи за печкой таясь,
И тополь скрипел за окошком,
Тяжелую мачтой кренясь.

Но шли каравеллы и бриги
Бесстрашно в чужие моря,
В те земли, что вычитал в книгах,
Высокой мечтою горя.

Я помню: кипенье прибора
В моторах улавливал слух,
И колокол громкого боя —
Кричал на заборе петух.

И мама, с покоса шагая,
Литовку, как парус, несла.
Косынка ее молодая
Фонариком красным цвела...

О море, в тебе зарождался
Мой первый крестьянский рассвет!
И солнечно он продолжался,
Мираж этих праздничных лет.

Там пели веселые птицы
У самой моей головы.
И волны — то волны пшеницы
Плескались в глазах синевы.

Там возле деревни, где встали
Мои трактора на покой,
Над пахотой чайки кричали,
Как будто над синью морской.

•••••

В чужом дворе колю дрова,
Да так, что снег летит со ставен.
Хозяйка, кажется, вдова,
И сам я нынче неприкаян.

Да, да, конечно, приглашай
У огонька погреться в хате.
И вот уже дымится чай,
И говорок ведут ухваты.

Ведет мелодию сверчок —
Запечный милый житель звонкий.
И светит бойкий уголек
В глазочек радостной заслонки.

Она зашторивает свет
И поправляет полушалок.
О, сколько зим и сколько лет
Вот так встречает, провожает!..

Подсела, жарко обняла,
Но сердцем чувствует до боли,
Что снова в горнице тепла —
На темну ноченьку, не боле.

Мне гармошка как будто не трогает душу,
Соловьиное время, наверно, прошло!
Как играл я, как пел я — бывало, послушать
Полуночной тропинкой сходилась село.

Иль у песен теперь не хватает запала
Возле белых моих деревенских оград?
Даже Валька Барышников — наш запевала —
Самый модный транзистор завел, говорят.

Не забыли еще подгулявшие люди
На кругу разрешать затянувшийся спор.
Но стоят, с подоконников выпятив груди,
Радиолы старинной гармошке в укор.

И горят над моим над возвышенным домом
На высоком столбе городские огни.
Только жаль, что русалки покинули омут,
Как последнюю сказку, где жили они.

И когда ту тропинку асфальтом остудят,
И костер, где картошку я пек на золе,
Все же с Валькой мне вспомнить не совестно
будет
Тех людей, что родились на этой земле.

Деревня

Каждый год по птичьему отлету,
На призывы осени рябинной,
Оставляю город и работу
И спешу на окрик журавлиный.
И когда вечерние зарницы
Выйдут в небо, съезжась от озноба,
Колосок неубранной пшеницы
Мне доверит думы хлебороба.
Там, в полях, накрытых рыжей шалью,
Мне расскажет лес под крик грачиный,
Как грустит при всех своих медалях
На ветру продрогшая осина.
Там еще ворчат, как ведьмы в сказке,
Старые подгнившие качели
Оттого, что радости их в пасху
На полянках майских отзвенели.
И когда ветра натянут вожжи,
Лишь едва доносится до слуха,
Как луна плывет по бездорожью
И скрипит уключинами глухо...
Я смахну с узорчатого ставня
Первый снег озябшими руками.
И опять, повеяв давним-давним,
Заскрипит легко под каблуками.

Кто-то свой, видать, из трактористов,
Не поняв, о чем же я тоскую,
Потихоньку в сумраке транзистор
На волну настроит городскую.
И в огнях села заиндевелых
Мне подскажут утренние блики,
Отчего люблю я неумело
Терема снегов его великих.
Только звон подойников веселый,
Только крик петуший в раннем часе
Через все леса его и доли
Мне на сердце — праздником и счастьем.
На заре промчится вьюга мимо,
И тогда до слуха донесется
Этой жизни сон неповторимый,
Эта явь, что плачет и смеется.
Этих весен сказочная милость,
Этих зим таинственная небыль...
Детство, детство, где ты закружилось
Золотистым жаворонком в небе?

В родных полях, где мир и тишина,
Где даже гром грохочет с неохотой,
Лежит моя крестьянская страна
Со всей своей нелегкою заботой.

Там дождь звенит на струнах темноты,
Там сеют хлеб и набухают почки.
И мать хлопочет утром у плиты
В простой домашней вышитой сорочке.

И так светлы в декабрьскую стынь
Ушедших лет сомненья и печали.
Там деревенька с именем простым —
В других краях о ней и не слышали.

И по ночам все тот же свет в окне,
И люди в каждый светлый праздник мая
Все так же вспоминают обо мне,
Когда застолью песни не хватает.

Повесть о комиссаре

Памяти Тимофея Даниловича
Корушина, первого комиссара
печати и народного образова-
ния в г. Ишиме.

1.

Еще не убит император,
Сидит на тобольских хлебах.
И солнце, как в царских палатах,
Проходит светло в небесах.
И будущий белый каратель
Мечтает о блеске погон,
И в подпол несет обыватель
«Керенки» до лучших времен.
Гудит вековая стихия,
Кондовые щурит глаза.
Но в Красных Советах России
Державно звучат голоса.

— Товарищи, в Питере — голод,
Буржуй в наступленье пошел!
Прошу телеграмму Свердлова

Немедля внести в протокол.
Довольно пустых резолюций!
Оскалилась нечисть и тля.
В беде колыбель революции,
На власти рабочей — петля.
Слова председателя строги,
Который уж раз об одном:
— Купцы на железной дороге
Скрывают вагоны с зерном.
Нам нужно наладить движенье
И хлеба Республике дать.
Коммуна — ведь это сраженье,
В котором нельзя отступить...

За полночь сидят комиссары,
Слипаются веки — невмочь.
Пожаром, пожаром, пожаром
Грозится ишимская ночь.
Весенняя вьюга из пушек
Бросает в окно серебро.
И снова товарищ Корушин
Торопит, торопит перо.
И словно в обойму патроны,
Вгоняет строку за строкой.
Вагоны, вагоны, вагоны...
Статья — как приказ боевой.
Свинцовую очередь строчек
Он срочно направит в печать,
Чтоб утром солдат и рабочих
На новую битву поднять...

Погашены лампы. Прохладно.
Метель улеглась на чердак.
И окна домов Плац-Парадной
Встревоженно смотрят во мрак.

Вот встретились на тротуаре
Озябшие за ночь посты.
Качаются в лунном пожаре
Звонящих акаций кусты.

И церковь грустит по соседству,
Пронзив колокольнею мглу.
И книжная лавка, как в детстве,
Зазывно стоит на углу.

Когда-то на ярмарках яро
Купеческий город кутил.
Но в лавку, бывало недаром
Отец

Тимофея водил.

Все это в душе не остыло,
Все это волнует до слез:
В деревню тащилась кобыла
Обратно за семьдесят верст.
И полю, печальному полю,
Казалось, не будет конца.
И слушал мальчишка про волю
Протяжные песни отца...
Вот улица. Сонно ворона
Прокаркала, как на беду.

Здесь шел — за царя, за корону
В пятнадцатом горьком году.

Он снова идет!
Над Советом
От флага — тревожная тень.
Окно типографии светит
Бессонное — в завтрашний день.

2.

В квартале купеческом паника
От утренних новостей.
Захаров * на лавке в подштанниках
Сидит, не стесняясь гостей.
— Ох, паря Зарубин, послушай —
Коммуна житья не дает!
Особливо этот Корушин
Газеткой смущает народ.
Моей пашеничке-то крышка,
Считай, что отнес на погост.
Как вспомню, захватит одышка —
Мильены собакам под хвост.
Еще бы, еще бы немножко...
Но этот заклятый враг...
— Корушин? Который?
Тимошка? —

* Захаров — ишимский хлеботорговец.

Зарубин аж плюнул в кулак, —
Я знаю, он наш, окуневский!
Но быть надо мною?
Уволь!
У них и отец-то таковский —
В округе известная голь...

Сочилась слюною беседа,
И салом текли пироги.
Поблескивали победно
Начищенные сапоги.
Румянились булки и бублики...
А где-то, за тенью дорог,
Сам Предсовнаркома Республики
Без сахара пил кипяток.
Эсеры расправою черною
Грозилась: Советам не жить!
И все же шпану беспризорную
Дзержинский ловил — накормить...
А кто-то гнусавил: «Расея,
Берег тебя батюшка-царь».
А здесь с городским богатеем
Кулак торговался, как встарь:
— Ну, что ж, по рукам

ударил?

Расчет золотишком, что ль?
Не всю ведь пшеничку испарили,
Осталось на гвозди и соль.
Тимошка? За мной зачтется!
Как водится, ахну — и квас!..

Вернется, Захаров, вернется
Пора...
Ну, гостите у нас!

3.

Весна наступала решительно,
Капели — что звон бубенцов!
В такой бы денечек к родителям
В деревню — послушать скворцов.
К рыбалке наладить сети,
Потом, завалясь в шалаше,
Увидеть при звездном рассвете,
Как тает заря в камыше.
Ручьи теперь пенятся брагой,
А в поле — грачиная блажь...
Но яро пылающим флагом
Качнулся далекий мираж.
И в этот момент над перроном,
Где митинг открыл Тимофей,
Дохнуло забытым, соленым,
Полынным настоем полей.
Гремело «Ура деповцам!»
Со всех четырех сторон.
Отнятый у хлеботорговцев,
Готовился в путь эшелон.
Перрон улыбался весенне,
Взрывались, как бомбы, слова.
И эхо «Да здравствует Ленин!»

Уже принимала Москва.
Корушин с трибуны устало
Сошел, благодарный судьбе.
И вдруг кто-то жгуче-кроваво
Пронзил его взглядом в толпе.
«Зарубин? Конечно ж, Зарубин!
Кому еще, кажется, быть?
Кто шелковый пояс на шубе
Умеет так лихо носить?»

В толпе отмолчаться не страшно,
Глаза — что свинец ко свинцу.
Мир новый и мир вчерашний
Стояли лицом к лицу.
Гудели в груди, как струны,
Копившиеся слова.
Зарубин сквозь зубы сплюнул:
«Сегодня твоя взяла!»

4.

Весна проплывала, играя
Обломками синего льда.
Казалось, грачиному граю
Не стихнуть в полях никогда.
Уж в ночи апрельские куцые
За ставни не прятался страх.
И день мировой революции
В горячих бродил головах.

Мечты вдохновенно кружились,
Но есть, видно, некая связь:
С уходом снегов обнажились
Скопившийся мусор и грязь.
В уезде вострила железо
Бандитская чья-то рука.
То жახнет кулак из обреза,
То вспыхнет селькора изба.
Корушин о встрече перронной
Забыл среди дел и забот.
Летели в Москву эшелоны,
Гремел восемнадцатый год.
Упрямо, счастливо, весенне
Твердила бедняцкая рать:
Коммуна ведь это сраженье,
В котором нельзя отступить.
И все же движения графики
Срывались. Борьба есть борьба!
Однажды в окно типографии
С реки докатилась стрельба.

Корушин вскочил с табурета.
— Товарищи, мне — в Совет! —
Сказал на ходу:
— Газета
Сегодня не выйдет в свет...
А город гудел, что улей.
Во взглядах — немой вопрос.
Со звоном клевали пули
Железнодорожный мост.

А вскоре, штыки считая,
(не густо было штыков),
Повел военком Нехаев
В атаку большевиков.
В атаку к мосту, который,
Быть может, — судьба страны,
Где с белой сражались сворой
Семьи трудовой сыны.

Разрывы хлестали в уши,
Катился за валом вал.
— Ура-а-а! —
Комиссар Корушин
В атаку бойцов поднял.

И с пороховой сажей
Кровавый летел свинец,
И сердце стучало так же,
Как в схватке за Зимний дворец...

И мост уцелел.
С налету
Отряд его красный спас.
Но кто-то его пролеты
Запомнил в последний раз.

В потемки ушли бандиты,
А утром под плач весны
Ишим провожал убитых
Досматривать вечные сны.

5.

— Ай-яй, господин хороший,
Эх и пошел народ!

Такие ему галоши,
А он тебе: выкусь вот!..

— Меняю на пуд пшеницы
Керенского портсигар...

Уездная град-столица
Воскресный вела базар.

Толкались в потоке сером:

Шинель мировой войны,

Винтовки милиционеров,

Крестьянские зипуны.

Калеченный люд — военный,

С наградами, без наград.

Поодаль в толпе почтенной

Захарова лисий взгляд.

Лоснился затылок сытый

(доставшийся от отца),

О заговоре раскрытом

Нашептывал он купцам.

— Слыхали?

— Ну, как не слышать...

В газетке... И как не знать...

Десятерым, знать, крышка,

Калугин * сумел удрать!

* Калугин — один из организаторов эсеровского заговора в Ишиме.

— Да, да... Только все же скоро
Поплачут большевички! —
Опять взорвались, как порох,
Захаровские зрачки:
— Корушин, слышали, ездит!
Мужик! А молотъ — мастак.
Сейчас, говорят, в уезде
Вербует под красный флаг...

6.

Гудел возле краешка ночи
Июньского утра прибой...
Мать грустно сказала:
— Сыночек,
Не вовремя, мой дорогой!
Заря заливала избенку,
Рассвет начинал кутерьму.
Смотрел Тимофей, как сестренка
Во сне улыбалась ему.
И думал светло о прекрасных
Тех днях голубых, голубых,
Грядущих — под знаменем красным,
Неблизких, но столь дорогих,
Счастливых, которых он ради
На Зимний ходил в Октябре.
А солнышко вниз по ограде
Катилось навстречу жаре.
Катилось, катилось, катилось,

Покуда, ударив в набат,
У церкви не остановилось,
Нацелив лучи на закат.
А здесь уже сходка гудела,
Как раз посредине села,
Как будто бы разом хотела
Решить мировые дела.
Но что это?
Взор комиссара
Так гневно горит на ветру?
Недаром, недаром, недаром
Восток был кровав поутру.
«Ну, вот и схлестнулись! — Зарубин
Вонзил в Тимофея зрачки:
— Что смотришь, голубчик? Погубят,
Погубят тебя мужички!
Напрасно сочувствия ищешь,
За мною — кулак к кулаку!»
И сжал под полой топорище,
Сготовившись зверем к прыжку...
«Но нет, отступить еще рано,
Не время повыплеснуть злость».
Холодное тело нагана
Карман прожигало насквозь.
А солнце катилось все ниже,
И день за околицей гас.
И брови сходились все ближе
Над синими звездами глаз.
Сказал комиссар:
— Крестьяне!

За это ль мы лили кровь,
Чтоб в нашем бедняцком стане
Кулак верховодил вновь?
Буржуев уж песня спета,
И прочих сметем господ!
У власти не зря — Советы,
А это ведь вы — народ!
— Скажи-ка, Данилыч, всем ли, —
Один перебил, бая, —
Дадут, как толкуют, землю?
— Она теперь ваша вся!
В толпе загалдели.
Но с визгом Зарубин орал:
— Мужики!
Довольно! Убить коммуниста!
— Убьем! — поддержали дружки.
И ринулись.
Ахнули бабы!
Корушин отпрянул.
Рывок.
— Назад!
Тут и ляжете, гады!
Прикончу! —
И щелкнул курок.
Передние замерли. Стыла
Закатная синь над селом.
— Заходи ему, лешему, с тыла!
— Ванюха, беги за ружьем! —
Хрипел кто-то.
Перемешались

Рубахи и юбок холсты.
Казалось, от страха качались
На маковках церкви кресты.
Да, выход один был — укрыться.
В дому? Но там мать и сестра...
Он видел: светилась на лицах
Жестокая сталь топора.
А часом позднее багряно
Заря уходила с полей.
Вороны кричали над рямом *,
Где скрыться успел Тимофей.
Кричали вороны, вершили
Поганое дело свое.
Как стая волков, обложило
Тот маленький рям кулачье.
Короткие ночи июня,
Сосенок таинственный звон,
И радости хочется юной,
Такой же счастливой, как сон.
И белого-белого сада,
И озера тихого гладь,
Которые вовсе не надо
Под черным прицелом держать...
Под утро, под новое утро,
Когда задремали посты,
Он выполз. Роса перламутром
Расцветила травы, кусты.

* Р я м (сибирск.) — заболоченный участок хвойного леса.

До леса он полз через поле,
Наган прижимая к груди,
И виделось: солнышко, воля.
Считай, что беда позади.
И город счастливою вехой
Назавтра сверкнет — из-за трав.
Но там уж штыки белочехов
Сверкали у ближних застав.
И грозное утро вставало
Как раз посредине страны.
И это лишь было начало,
Начало гражданской войны.

* * *

Дорожные поиски слова,
Летающие яркие дни.
Однажды в селе Окунево
Случилось мне быть у родни.
В дороге грустилось немножко,
Но с мыслью сошла пелена,
Когда я увидел окошки,
В которых стояла весна.
Чем больше я ездил по свету,
Тем чаще о доме скучал.
Я долго в тот вечер портреты
В простенках опять изучал.
На карточках — русские люди.
— А эту не помню. На ней, —

Спросил я у бабки, — кто будет?
Она мне:
— Твой дед Тимофей.
Но взгляд ее вспыхнул недаром,
И тополь притих за окном.
— Я знаю, он был комиссаром, —
Сказал я, — но что же потом?
— Потом? Не спеши, погоди же!
Стара я. Все жалюсь врачам...
Серьезный он был. И, как ты же,
О чем-то писал по ночам.
Неважно мы, помнится, жили, —
Текла ее грустная речь. —
Его кулаки не любили, —
И, охнув, полезла на печь.
Что было-то, господи боже!..
Но понял я: бабка права —
Нельзя беспричинно тревожить
Сочившие кровью слова.
А утром, еще на рассвете,
Автобус умчал от ворот.
О срочном заданье газеты
Напомнил мне чистый блокнот.
Я думал: и все же счастливой
Жизнь деда была моего.
О чем умолчали архивы —
У сердца спросил своего.
А сердце не верит в оценки,
Что в папках лежат про запас.
В колчаковском мрачном застенке,

Я знаю, он думал о нас.
Он верил — наступит расплата,
Свобода придет — на века!
Потом военкомом «тридцатой»
В Иркутске громил Колчака...

Я ехал. Знакомые тени
Привычно вползали в село,
И звездочки майской сирени
Твердили, что солнце взошло.

СОДЕРЖАНИЕ

«Торопи меня, торопи...»	3
Алый парус	4
Прощальные дни	5
«Вот и уносит печали...»	6
Полночная песня	7
Праздник осени	8
«Посветило солнце и ушло...»	10
«Соберу я охотничью справу...»	11
Воспоминание	12
Русская печь	14
В столице	16
В детстве	17
Отбивают косы	18
Сибирская баня	19
«Я с работы спешу сияющий...»	21
Осенние думы	22
«Вижу, первым лучом обогрето...»	23
«В сиянье заснеженных крыш...»	24
Возле клуба	25
Над Абатском	26
Вечереет	28
«Ну зачем ты посмела...»	29
Листопад	30
В год призыва	31
В походе	32
Матросские робы	33
На посту	34

Проводы	35
Прощание с теплоходом . . .	36
«Может быть, стоит сейчас у пирса...»	37
На границе	38
Утро в Тобольском порту . . .	39
В Ялуторовске	40
Портовый житель	41
Давнее	42
«Сыплет солнце сквозь вер- шины...»	44
Я помню...	45
«В чужом дворе колю дрова...»	47
«Мне гармошка как будто не тро- гает душу...»	48
Облака	49
Деревня	50
«В родных полях, где мир и ти- шина...»	52
Повесть о комиссаре	53

Д33 **Денисов Н. В.**
Праздник осени. Свердловск, Средне-
Уральское книжное издательство, 1974.

72 с.

В сборник вошли стихи, написанные поэтом за последние годы.

Д 0742—048
М 158(03)—74

Р2

НИКОЛАИ ВАСИЛЬЕВИЧ ДЕНИСОВ

П Р А З Д Н И К О С Е Н И

Редактор Н. КУЗИН
Художник Я. МЕЛЬНИК
Художественный редактор Я. ЧЕРНИХОВ
Технический редактор Т. МЕНЬЩИКОВА
Корректор Н. ТРУБНИКОВА

Сдано в набор 20/XII 1973 г. Подписано в печать 18/IV 1974 г. НС 17204. Бумага типографская № 1. Формат 84×108¹/₆₄. Уч.-изд. л. 2,1. Усл. печ. л. 1,9. Тираж 10 000. Заказ 568. Цена 22 коп. Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

22 коп.

**Свердловск,
Средне-Уральское
Книжное издательство, 1974**